

Атаман Искра

То, что было

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А92

А92 **Атаман Искра**
То, что было / Атаман Искра – М.: Книга по Требованию, 2021. – 63 с.

ISBN 978-5-518-02424-3

ISBN 978-5-518-02424-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Пока же я позволю себѣ остановиться на отношеніи Савинкова и его недавняго главковерха ген. Булакѣ-Балаховича къ крестьянскому движенію, которымъ они такъ усердно прикрывались, и на которомъ такъ естественно обожглись.

Берлинъ, Октябрь 1921 г.

Искра.

Ч А С Т Ь I.

Мысль о томъ, что возстановленіе Россіи возможно лишь путемъ усилій организованнаго крестьянства,—мысль не новая.

Стало до нѣкоторой степени общимъ мѣстомъ утвержденіе, что только тотъ освободитель Россіи доведетъ до конца свое дѣло, который обопрется на русскій черноземъ, на искреннія симпатіи широкихъ крестьянскихъ массъ. Поэтому «ставка на мужичка» — обычный пріемъ всѣхъ безъ исключенія антибольшевистскихъ группъ — отъ эсэровъ до монархистовъ. Только партійное цѣломудріе русскихъ меньшевиковъ заставляетъ ихъ нѣсколько затушевывать этотъ принципъ, который, впрочемъ, ими не оспаривается.

Однако, «клясться именемъ русскаго крестьянина» — вовсе не значить быть его дѣйствительнымъ другомъ, а выступать подъ флагомъ крестьянскаго движенія — вовсе не означаетъ для многихъ отказа отъ цѣлей, чуждыхъ и даже враждебныхъ русскому крестьянству.

Волею судебъ мнѣ пришлось принять близкое, непосредственное участіе въ крестьянскомъ повстанствѣ, въ роли организатора и руководителя. Стремясь къ введенію этого стихійнаго напора

протестующихъ народныхъ силъ въ широкое государственное русло, я никогда не отказывался отъ сотрудничества съ другими организаціями, написавшими тѣ же лозунги на своихъ знаменахъ. Я не предавался преждевременному и бесплодному скептицизму до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что истинному стороннику крестьянства не по пути съ той или другой организаціей.

Въ послѣдующемъ я хочу рассказать о томъ, чѣмъ закончилась моя попытка войти въ связь съ движеніемъ, которое возглавлялось номинально Врангелемъ, а въ дѣйствительности оказалось связаннымъ съ печальными именами ген. Булакъ-Балаховича и Б. В. Савинкова.

Лѣтомъ 1920 года, по требованію Всероссійскаго Союза крестьянъ, я вошелъ въ соглашеніе съ политическимъ отдѣломъ штаба ген. Врангеля, на что потребовалось ровно 2 мѣсяца канцелярской волокиты.

Наконецъ я получилъ заданіе поднять возстаніе на Украинѣ, объединить всѣхъ повстанческихъ атамановъ, и, ставъ во главѣ сильнаго отряда, двигаться на соединеніе съ Русской Арміей.

Мнѣ была предоставлена полная свобода дѣйствій въ выборѣ помощниковъ, а на расходы по этой операціи я получилъ 200,000 совѣтскихъ и 100,000 украинскихъ денегъ.

Съ четырьмя бывшими атаманами и польскимъ паспортомъ въ карманѣ я отправился на Украину.

Денегъ, полученныхъ мною, мнѣ хватило только для уплаты за проѣздъ на шхунѣ до одного изъ береговъ Украины, при чемъ совѣтскія деньги, благодаря ихъ ничтожной цѣнности и малой портативности, мнѣ попросту пришлось выбросить.

Къ счастью, у меня оказались собственные средства и я, не задумываясь, обратилъ ихъ на выполнение своей задачи; я понималъ, что идетъ борьба на жизнь и на смерть. Кромѣ того, я былъ исполненъ почти фанатическаго упорства въ достиженіи поставленной мнѣ цѣли.

Выбравшись на Украину, наладивъ связь между атаманами и распредѣливъ между ними районы и боевыя задачи, я, обсудивъ создающуюся обстановку, рѣшилъ отправиться въ Польшу. Изъ газетъ я зналъ, что польская армія продвигается къ Киеву, и рѣшилъ, что формировать отряды въ мѣстностяхъ, очищенныхъ отъ красной арміи, будетъ значительно легче и продуктивнѣе.

Пробравшись послѣ долгихъ мытарствъ черезъ Румынію въ Варшаву, я узналъ, что къ этому времени польская армія начала отступать въ паническомъ безпорядкѣ.

Пришлось измѣнить первоначальный планъ и попытаться объединить свою дѣятельность съ уже существовавшими въ Варшавѣ антибольшевистскими организаціями, въ частности — съ русской прессой.

Узнавъ изъ газетъ, что Ф. И. Родичевъ взялъ на себя роль представителя ген. Врангеля, я первымъ дѣломъ отправился къ нему.

Родичевъ принялъ меня холодно, и заявилъ, что представителемъ Врангеля онъ не состоялъ. Видно было по всему его поведенію, что онъ принялъ меня за попрошайку изъ бѣженцевъ, и все боялся, какъ бы я не попросилъ у него взаймы.

Онъ произвелъ впечатлѣніе сильно одряхлѣвшаго человѣка, не способнаго даже, какъ слѣдуетъ, вникнуть въ то, что ему говорилось.

Еще менѣе былъ онъ пригоденъ для боевой политической роли.

Второй мой визитъ былъ къ Б. В. Савинкову, тогдашнему предсѣдателю Русскаго Политическаго Комитета.

Савинковъ съ большимъ комфортомъ и многочисленнымъ штабомъ устроился въ фешенебельной Брюлевской гостинницѣ.

Дежурный офицеръ, надменно смѣривъ меня взглядомъ, освѣдомился, извѣстенъ ли я лично г-ну предсѣдателю.

На отрицательный отвѣтъ онъ, съ презрительной миной, заявилъ, что врядъ ли мнѣ вообще когда либо придется удостоиться лицезрѣнія г. Савинкова, и что лучше обратиться къ завѣдующему дѣлами бѣженцевъ или въ Красный Крестъ.

Послѣ такого заявленія дежурный фендрикъ повернулся ко мнѣ спиной. Вынужденный сохранять до времени строгое инкогнито, я воздержался отъ рѣзкихъ выступленій, однако моя вѣра въ Савинковскій демократизмъ, которымъ онъ всегда кичился, была нѣсколько поколеблена.

Оставался послѣдній путь — обращеніе къ печати.

Въ Варшавѣ въ то время выходило двѣ русскія газеты: «Свобода», при ближайшемъ участіи Б. В. Савинкова, Д. В. Философова, четы Мережковскихъ и Савинковскаго Фигаро — А. А. Дикгофъ-Деренталя. Техническимъ редакторомъ состоялъ нѣкій Юноша-Гзовскій, бульварный журналистъ съ подозрительнымъ прошлымъ, редактировавшій до изгнанія поляковъ изъ Минска реп-тильную газетку «Минскій Курьеръ».

Другая газета — «Варшавское Слово» — редактировалась В. А. Горвиць-Самойловымъ и пользовалась репутаціей «большевизантской».

Исторія возникновенія «Свободы» не лишена общественнаго интереса.

До ея основанія въ Варшавѣ выходила одна русская газета, издававшаяся такъ наз. «Стражей Кресовой». Несмотря на такую марку, польскія власти и ее не оставляли въ покоѣ.

За перепечатку изъ «Русскаго Дѣла» письма русскаго офицера, интернированнаго въ Польшѣ, въ пресловутомъ Домбѣе (около Кракова), редакторъ газеты былъ заочно, даже безъ врученія судебной повѣстки, приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

Между тѣмъ въ Варшавѣ появились Д. С. Мережковскій съ супругой и Д. В. Философовъ.

Они повели со «Стражей» переговоры о передачѣ имъ «Варшавскаго Слова», обѣщая отстаивать «границы 1772 года» и агитировать въ пользу русско-польскаго сближенія.

Нужно замѣтить, что «Варшавское Слово» отнеслось къ публичнымъ выступленіямъ Д. С. Мережковскаго весьма критически, чѣмъ навлекло на себя не только гнѣвъ маститаго писателя, но и обвиненіе въ «большевизмѣ».

Переговоры маститыхъ со «Стражей» не дали результатовъ.

Тогда на сцену появился «старый знакомый маршала Пилсудскаго», Б. В. Савинковъ и основалась вторая русская газета въ Варшавѣ — «Свобода», куда вошли и Мережковскіе и Философовъ и приближенные Савинкова, и бѣжавшій изъ Минска Юноша-Гзовскій и нѣкоторые ветераны «Варшавской Рѣчи» эпохи Цѣховскаго.

Несмотря на невысокій тиражъ «Свободы», прямая и косвенная субсидіи, которыя она получала какъ отъ польскаго правительства, такъ и изъ другихъ источниковъ — давали ей возможность существовать даже при дефицитѣ, доходившемъ до 700,000 польскихъ марокъ въ мѣсяць. Новое Варшавское слово, получавшее субсидіи отъ

Р. П. Р. тѣмъ не менѣе не могло выдержать дѣфицита и быстро шло къ ликвидаціи.

Отношенія между «Свободой» и «Н. Варш. Словомъ» установились сразу молчаливо-враждебныя, какъ на принципиальной, такъ и на чистоличной почвѣ.

Все это порождало серьезныя тренія. Политическій курсъ Савинкова становился все менѣе пріемлемымъ, пріобрѣтая характеръ откровеннаго сервиллизма и авантюризма.

— Что будетъ съ нами, Б. В. — спросилъ его какъ-то Горвицъ-Самойловъ: — вѣдь ваша политика обречена на завѣдомый крахъ.

— «Я—Пилсудчикъ»—гордо отвѣтилъ Савинковъ: — «что будетъ съ Пилсудскимъ, то и со мной».

Когда зашла рѣчь объ организаціи народнаго университета для интернированныхъ, Савинковъ сказалъ:

— «Народный университетъ? Для кого? Для этой сволочи. Оставьте, дайте намъ деньги, мы найдемъ имъ лучшее примѣненіе».

Въ задачу этой статьи не входитъ указаніе, каково «лучшее примѣненіе.» По этому поводу лучше спросить интернированныхъ.

Редакція «Н. Варш. Слова» была буквально завалена негодующими письмами интернированныхъ, часто — коллективными.

Между тѣмъ, когда въ «Н. Варш. Словѣ» появилась статья Н. А. Тандефельта съ предложеніемъ созвать съѣздъ интернированныхъ, Савинковъ пришелъ въ такую ярость, что заявилъ редактору «Слова»:

— «Я не остановлюсь ни передъ чѣмъ (намекъ на связи съ польской охранкой). Помните, что я умѣю быть врагомъ.»

«Н. Варш. Слово» ликвидировалось.

Такимъ образомъ въ Польшѣ осталась только одна «независимая» русская газета «Свобода».

Многое изъ этого стало мнѣ извѣстно значительно позже, когда я лучше ознакомился съ варшавской обстановкой.

«Свобода», имѣвшая въ подзаголовкѣ громкій лозунгъ «за родину и свободу», радушно приглашала всѣхъ бѣженцевъ въ редакцію для информирования о послѣднихъ новостяхъ совѣтскаго бытѣя.

Однако тамъ встрѣтили меня весьма не любезно.

Редакторъ не принимаетъ. Секретарь занятъ. Меня передали въ распоряженіе кокетливой и нетерпѣливой дѣвицы, которая при моемъ приходѣ старательно рисовала на опросномъ листѣ балерину съ поднятой ногой.

Разумѣется, съ ней мнѣ говорить было не о чемъ.

Впослѣдствіи, когда мнѣ удалось добиться свиданія съ Савинковымъ, я рассказалъ ему объ этомъ курьезномъ инцидентѣ.

Онъ сдѣлалъ видъ, что очень возмущенъ, и приказалъ Философову разслѣдовать дѣло. Результаты разслѣдованія неизвѣстны мнѣ и до сихъ поръ.

Въ редакціи «Варшавскаго Слова», несмотря на ея оппозиціонное отношеніе къ Врангелю, меня приняли осторожно, но внимательно и посовѣтовали обратиться къ есаулу Яковлеву, начавшему тогда формированіе казачьихъ частей въ Калишѣ.

Пришлось послѣдовать благому совѣту.

Обстановка Калишскаго лагеря произвела на меня угнетающее впечатлѣніе, а кратковременный разговоръ съ Яковлевымъ убѣдилъ въ томъ, что это — желторотый птенецъ, быть можетъ, отличный командиръ взвода или сотни, но никакъ не искушенный вождь казачьихъ массъ.

Между тѣмъ предстоявшая мнѣ задача была огромна и отвѣстна. Въ краткихъ чертахъ она сводилась къ слѣдующему. Мнѣ нуженъ былъ талантливый и храбрый военачальникъ для образованія боевого ядра, съ которымъ можно было бы прорваться на Украину, объединить безчисленные повстанческіе отряды, связаться съ Петлюровской арміей, и, укрѣпивъ тылъ, соединенными усиліями двинуться на Москву.

Было очевидно, что для такихъ широкихъ заданій Яковлевъ человекъ неподходящій.

Возвратясь въ Варшаву, я узналъ о начавшихся формированіяхъ ген. Глазенапа.

Глазенапъ считался сильно полѣвѣвшимъ подъ вліяніемъ Савинкова. Непосредственно формированіемъ завѣдывалъ пріѣхавшій изъ Владивостока полковникъ Лисовскій, докатившійся впослѣдствіи до роли понятого польской жандармеріи при обыскахъ и арестахъ среди русскихъ эмигрантовъ.

Вотъ его краткая біографія, заимствованная изъ «Гол. Р.» (№ 691):

Въ Варшавѣ сообщаютъ, что при обыскахъ и арестахъ, производимыхъ польской охранкой среди русскихъ, неизмѣнно «ассистентомъ» со стороны «Русскаго» комитета является полковникъ Ю. Лисовскій.

Этого полковника хорошо знала до-военная русская колонія въ Варшавѣ.

Служилъ онъ по военно-юридическому вѣдомству и былъ постояннымъ полупьянымъ посѣтителемъ тогдашнихъ варшавскихъ злачныхъ мѣстъ, вродѣ «Акваріума», «Ренессанса» и другихъ притоновъ.

Его альтеръ его, «вторымъ Аяксомъ», считался извѣстный сотрудникъ «Новаго Времени», впо-